

ЭТАЛОН ГАЛАНТНОСТИ

Говорят, что человека правильней всего «считывать» по его окружению. Ведь именно люди из круга нашего общения действительно могут много рассказать о нас самих... Правда из первых уст — это не только рассекреченные документы, но и семейные предания.

Мне посчастливилось родиться в очень интересной семье, где каждый родственник — ЛИЧНОСТЬ. Когда растёшь среди звёзд, принимаешь это как должное. Лишь по прошествии лет начинаешь осознавать, КАК тебе повезло и жалеть, что не ловил каждое слово тех, кто был рядом, понимая, наконец, что рядом-то были Герои и Звёзды мировой величины.

Мамин старший брат, Аркадий Кузьмич Касинцев, добровольцем ушёл на фронт, а вернулся с войны Орденоносцем. Но его официальные заслуги перед Отечеством в семье не обсуждались. Для меня он всегда был просто дядя Аркаша. Сколько себя помню, то и дело слышала от мамы: «Мой брат — самый лучший. Я всегда была влюблена в Аркашку и мечтала выйти за него замуж! Красивый, умный, добрый...эталон галантности!». Хоть я и была от горшка два вершка, даже мне казалось странным, что мама собиралась замуж за собственного брата. Но мне любопытно было выяснить, что скрывалось за фразой «эталон галантности». Поэтому при каждой встрече с дядей я старалась не отходить от него ни на шаг.

В возрасте трёх с небольшим лет я впервые попала в музей. Музей Арктики в Ленинграде. И привёл туда меня именно дядя Аркаша. Почему? Потому что здание музея — в пяти минутах ходьбы от дома на Пушкинской, где они с бабушкой жили (а меня из Тулы привозили в гости). Что я запомнила? Шикарную, как мне тогда показалось, лестницу на второй этаж и огромное чучело белого медведя. В Ленинграде я бывала часто. И до тех пор, пока дядя Аркаша жил вместе с бабой Ксеньей (ТАК я всегда называла мамину маму) на Пушкинской, он непременно водил меня на знаменитый Кузнечный рынок (в Кузнечном переулке), рядом с тем самым музеем Арктики. Цель наших походов на рынок чаще всего сводилась к посмотреть, понюхать (с закрытыми глазами) и угадать, нежели купить.

Дядя Аркаша, как многие мужчины, не любил писать писем, но обожал устные дискуссии, называя себя артистом разговорного жанра. Он был великолепным рассказчиком, способным увлечь любую аудиторию. Всегда уважительно относился к собеседникам, даже если расходился с ними во взглядах. Будучи хорошим психологом и педагогом от Бога, он моментально устанавливал контакт, легко находя темы для разговоров с кем угодно. С ним всегда было очень интересно. Прекрасно владел карандашом. Хорошо рисовал, но предпочтение отдавал карикатурам — за пару минут сотворял дружеские шаржи. Чувство юмора у него было потрясающее.

Баба Ксения любила повторять, что Аркадий с раннего детства отличался наблюдательностью и остроумием. Учёба ему давалась легко. Настолько легко, что

он никогда не выполнял домашних заданий, но всегда внимательно слушал учителей в классе; а память, к счастью, не подводила. Когда он учился в школе, вся семья (мама, папа, бабушка, Аркадий, брат, две сестрѐнки... ещё один брат тогда ещё не родился) жила в одной комнате огромной коммунальной квартиры — сосредоточиться на школьных заданиях было невозможно. Возвращаясь из школы, по воспоминаньям бабы Ксени, он бросал портфель и тут же начинал играть с младшенькими... А по утрам, как солдат, собирался моментально... В коммунальной квартире был длинный коридор — место игр дошколят. Соседские ребяташки дразнили друг друга, Аркадий, как один из самых старших детей в коридоре, придумывал дразнилки. Поскольку фамилия его семьи была Касинцевы, он придумал такую безобидную дразнилку: «коси-коси сено, выкоси полено».

В шесть лет я умела читать и самостоятельно читала детские книжки, а также училась писать печатными буквами. Приехавший к нам в Тулу в гости из Питера дядя Аркаша решил ознакомить меня с курсивом. Никогда не забуду, как он достал из кармана паспорт (ничего более подходящего под рукой не было), в котором каллиграфическим почерком паспортистки было аккуратно выведено «Касинцев Аркадий Кузьмич», а ниже — слово «Сенно». Я была удивлена и озадачена, поскольку знала слово «сено». С тех пор, пока не повзрослела, всем вокруг с пеной у рта доказывала, что мой дядя родился в сене, и я это своими глазами видела в его паспорте!!!

Когда я стала постарше, дядя-лингвист, свободно владевший английским и языком хинди, развивал мою устную речь, объясняя мне такие лингвистические явления, как фразеологизмы, профессионализмы, жаргон... На всю жизнь я тогда запомнила странную фразу «стоять на тасе». Оказывается, на блатном жаргоне это синоним фразы «стоять на шухере». Баба Ксения журила его: «Чем, мол, ребѐнку мозги засоряешь?!». У него своих детей не было, так он экспериментировал на племяшке, проверяя разнообразные педагогические приѐмы. А мне это нравилось! Когда в пятом классе я начала учить английский, знала — если что, у меня личный консультант!! Я тогда не собиралась ещё становиться лингвистом, мечтая о профессии спортивного врача, но класса с восьмого старалась с дядей Аркашей разговаривать на английском. Он это всегда поощрял. А в 1980 году вышла интереснейшая книга его друга В.Овчинникова «Корни дуба» про Англию, которую я зачитала до дыр — целыми страницами могла цитировать по памяти! Меня переполняло чувство гордости за то, что автор, получивший Госпремию СССР, был другом моего родного дяди! А вот гордиться самим дядей как-то и в голову не приходило.

Когда я сама стала учителем английского языка и работала в школе, пожалуй, почувствовала некоторые результаты дядиного влияния. К этому моменту бабы Ксени уже не стало, а Аркадий Кузьмич из знаменитого дома на Пушкинской переехал в отдельную квартиру на улице Кибальчича, он начал общаться со мной как с коллегой. Мы с радостью болтали по-английски, обмениваясь педагогическим опытом, шутками, впечатлениями, которых всегда было через край. Регулярно он

ездил на море — больше всего любил эстонский город-курорт на побережье Балтийского моря — Пярну. Я в Пярну никогда не была, но на протяжении ряда лет интересовалась другим городом в Эстонии — Тарту, поскольку именно там был единственный в Советском Союзе факультет спортивной медицины в университете... Но жизнь повернулась так, что я пошла по дядиным стопам и стала лингвистом. Потому и закончить мои сегодняшние воспоминания об Аркадии Кузьмиче хочу одной из его лингвистических загадок: возьмите 14 спичек и сложите из них слово «Толя». Посмотрите на это слово и подумайте, как, переложив лишь одну спичку, не трогая ничего другого, сделать имя женское.

МАРИНА КОЧЕТОВА